ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Мельников К. В.

аспирант, ведущий специалист-эксперт Уральского территориального управления, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Россия), Федеральное агентство научных организаций (Россия), 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 217, melnikovrezh@gmail.com

УДК 321.65
ББК 66.033.141.2

Цель. Целью представленного исследования является оценка трансформации подходов к определению понятия неопатримониализма через анализ основных линий противоречий между исследователями в интерпретации неопатримониального типа политического господства и выявление концептуального ядра, в отношении которого споры минимальны.

Методология. Сравнительное качественное исследование текстов монографий и научных статей, изданных на русском и английском языках, по избранной тематике. Содержательно сравнение подходов к интерпретации неопатримониального типа политического господства проводилось в русле неоинституционального метода.

Научная новизна. Наиболее значимые подходы к определению понятия неопатримониализма проанализированы с нескольких точек зрения: связь с базовой веберовской категорией патримониального типа политического господства, роль функционирующей на основе рационально-легальных процедур бюрократии, объяснение значения приставки «нео» в интерпретации концепта.

Результаты. На основе критического обзора основных подходов сформулировано собственное определение неопатримониализма, обозначены векторы исследований, необходимые для повышения эвристического потенциала концепции.

Ключевые слова: неопатримониализм, патримониализм, клиентарно-патронажные отношения, неформальные институты.

EVALUATION OF TRANSFORMATION APPROACHES TO THE DEFINITION OF NEOPATRIMONIALISM

Melnikov K. V.

Post-graduate student, Leading Expert of the Ural Territorial Management, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia), the Federal Agency of Scientific Organizations (Russia), 217 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620144, melnikovrezh@gmail.com

Purpose. The purpose of the presented study is the evaluation of the transformation of approaches to the definition of neopatrimonialism through an analysis of the main lines of the contradictions between researchers in the interpretation of neopatrimonial type of political domination and identification of the concept kernel against which disputes are minimal.

Methodology. Comparative qualitative study of texts, monographs and scientific articles published in the Russian and English languages, on selected topics. Meaningful comparison of the approaches to the interpretation of a neopatrimonial type of political domination was conducted in line with the neoinstitutional method.

Scientific novelty. The most important approaches to the definition of neopatrimonialism were analyzed from several perspectives: relationship with the basic Weberian category of a patrimonial type of political domination, the role of bureaucracy functioning on the basis of rational-legal procedures, explanation of the meaning of the prefix «neo» in the interpretation of the concept.

Results. Based on a critical review of the basic approaches the author formulated his own definition of neopatrimonialism, determined the vectors of research necessary to improve heuristic potential of the concept.

Keywords: neopatrimonialism, patrimonialism client-patronage relationship, informal institutions.

© Мельников К. В., 2016

Последняя четверть XX века стала временем существенной трансформации мирового политического ландшафта. Падение авторитарных режимов в Южной Европе в 70-х, смена милитаризованных политических режимов гражданскими правительствами в Латинской Америке с конца 70-х до конца 80-х, демократические преобразования в Юго-Восточной Азии в середине 80-х, коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 80-х, распад Советского Союза и образование пятнадцати независимых республик в 1991 года, ослабление однопартийных режимов Черной Африки в первой половине 1990-х – эти политические события стали рассматриваться западными исследователями как часть глобального политического тренда, который, благодаря С. Хангтингтону получил название «третьей волны демократизации». Политическое развитие государств, попавших в эту волну, стало рассматриваться как путь от авторитарных практик к демократическому режиму, рыночной экономике, гражданскому обществу, правовому государству.

Однако по прошествии времени стало ясно, что воспроизвести исходные демократические паттерны удалось далеко не всем. Для посткоммунистических государств отмечается успех Польши, Чехии, Венгрии и Прибалтики. В постсоветских государствах, напротив, видно конструирование около- или полудемократических режимов.

Для осмысления провала проекта модернизации в странах Третьего мира, преимущественно африканских государств, некоторыми исследователями предлагается совершенно противоположенная постулату единого демократического модерна идея о том, что «в ходе взаимодействия традиционного исторического наследия и современности возникают политические системы нового, неопатримониального типа, которые не являются переходными или промежуточными образованиями, а напротив, конечным результатом трансформационного процесса» [1, с. 162].

Патримониализм был описан М. Вебером в его работе «Хозяйство и общество» и представлял собой тип политического господства, который «рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей» [2, с. 236].

За время своего существования концепция неопатримониализма получила значительное число интерпретаций, часто вступающих друг с другом в противоречие. Учитывая большое количество работ, описывающих процессы политических трансформаций в Африке [см. 3, 4, 5, 6], Латинской Америке [см. 7, 8, 9], Юго-Восточной Азии [см. 10, 11] через призму неопатримониализма, важно единство в определении этого концепта. Однако такого единства на данный момент нет. Не сходятся исследователи в соотношении понятий патримониализм и неопатримониализм, в разграничении авторитарного режима и неопатримониального, в роли клиентарно-патронажного обмена в неопатримониальных системах и по многим другим принципиальным пунктам. Разнообразие походов создает опасность превращения концепции неопатримониализма в размытый и малопродуктивный концепт.

В этой статье мы попытаемся оценить трансформацию подходов к определению неопатримониализма. Для этого нам необходимо:

- Выяснить концептуальные основы понятия неопатримониализма через обращение к концепции патримониального типа политического господства;
- Выявить, по каким параметрам ведутся споры относительно понятия неопатримониализма, существует ли концептуальное ядро, в отношении которого споры не ведутся;
- Выработать авторское определение неопатримониализма;
- Выявить вызовы для концепции неопатримониализма, с которыми исследователи справились и с которыми им справиться предстоит.

Определение патримониального типа политического господства.

Поскольку исследуемый нами термин образуется за счет приставки «нео» и корня «патримониал», необходимо разобраться именно с базовой концепцией патримониализма.

Понятие «патримониализм» происходит от латинского слова patrimonium, которое впервые встречается в римском праве и означает наследственное, родовое имущество. В язык политической науки этот термин был введен Томасом Гоббсом, которому принадлежит идея «патримониальной монархии». Под этим термином он подразумевал особую господскую форму власти (dominion), при которой осуществляется владение «политическим телом» (bodypolitic) на праве полной собственности, полученной, например, в результате того или иного приобретения или завоевания. Самостоятельный же статус патримониализм приобрел в работе швейцарского правоведа Карла Людвига фон Галлера *«Реставрация науки о государстве»* (1816–1834), где он, выдвигает иную, противоположную популярной концепции «общественного договора» теорию происхождения государственной власти – патримониальную. На его взгляд, собственность не является следствием существования государства, а наоборот, как государство, так и власть возникают как реализация частнособственнических прав. Функции государства (прежде

всего, по отправлению правосудия, сбору налогов и обеспечению безопасности) вырастают из управления частными владениями правителя, т.е. из его собственного хозяйства и персонального аппарата принуждения. В этот же контекст вписываются работы Норберта Элиаса и Чарльза Тилли, которые рассматривают происхождение государства не с популярных либеральных позиций теории общественного договора, а наоборот – как институционализацию насилия (Н. Элиас) и рэкета (Ч. Тилли), которые позже оформились в базовые признаки государства – монополию на насилие и на налогообложение.

Впервые понятие «патримониализм» комплексное раскрытие в рамках социально-исторического анализа получил в работе Макса Вебера *«Хозяйство и общество»,* где немецкий классик общественной мысли подробно анализирует различные варианты патримониализма и противопоставляет его чистый тип, с одной стороны, феодализму, а с другой – бюрократическому (рационально-легальному) правлению. По определению М. Вебера, «в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей» [2, с. 236]. Патримониализм изначально развивается из управления хозяйством правителя/вождя, точнее, из отделения слуг/клиентов от домашнего хозяйства господина и предоставления им земельных владений, пожалований, возможностей сбора податей через систему кормлений и т. д.

В чем вклад М. Вебера, на которого ссылаются практически все исследователи, которые берутся анализировать политические системы в русле неопатримониализма? Развивая многие из отмеченных здесь теоретических интуиций, как их называет украинский политолог А. А. Фисун, М. Вебер выделяет и подчеркивает прежде всего *политическое* измерение патримониального господства. При этом особое значение Вебер придает *частному присвоению судебно-юридических и военных функций государства*, которое часто «становится правовой основой для сословно-привилегированного положения присвоивших эти функции лиц в противоположность присвоению чисто экономических возможностей в виде домениальных, налоговых и любых других побочных источников доходов» [2, с. 237]. Вебер подчеркивает, что понятие патримониализма он использует исключительно для обозначения определенных типов *политического господства,* предполагающих присвоение публичной власти и связанных с нею юридических и военно-силовых полномочий: «терминологически я должен ограничить понятие патримониализма лишь определенными типами *политического*господства; ...при этом я подчеркиваю принципиальное различие домашней, персональной или вотчинной власти, с одной стороны, и политического господства (Herrschaft) с другой: последнее не является выражением ни одного из перечисленных видов власти, но скорее предполагает юридическую и военную власть» [12]. Именно в этом кроется значение М. Вебера для политологической интерпретации патримониализма, здесь он делает серьезный шаг вперед по сравнению с предшественниками. Если предыдущие интерпретации выводили патримониализм из различных форм патриархальных отношений семейного или личного типа и, как результат, отождествлявших патримониализм с выражением частноправовых аспектов вотчинной земельной собственности, то М. Вебер подчеркнул его публично-политическое измерение и отличие как от патриархальных отношений в рамках домохозяйства, так и от вотчинных отношений в рамках Grundherrschaft.

Таким образом, согласно Веберу можно сделать вывод, что патримониальный способ осуществления власти можно найти внутри различных политических и экономических систем. По его мнению, в той мере, в какой судебные полномочия и другие права политического происхождения рассматривались в качестве частных полномочий, терминологически верно говорить и о «патримониальном» господстве. «Патримониальным институтам, прежде всего недостает бюрократического разделения частной и публичной сферы. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани» [12]. Степень патримониальности в различных обществах может ранжироваться, однако, по мнению Вебера, «для нашего исследования факт трактовки властных полномочий и связанных с ними всякого рода возможностей как *определенной разновидности* частных прав должен быть определяющим» [1, с. 237].

Таким образом, отличительной особенностью патримониализма является присвоение, или апроприация, сферы управления официальными носителями политической власти, а также синкретизм публично-политической и частной сферы жизни общества, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина», или Grundherrschaft – по Веберу) правящей элиты, которая, опираясь на систему власти-собственности, приватизирует различные общественные функции и государственные институты. Как пишет один из самых известных исследователей творчества М. Вебера Р. Бендикс, «при патримониализме правитель рассматривает всю сферу политического управления в качестве своего личного дела, таким же образом он использует свое обладание политической властью

в качестве полезного дополнения к своей частной собственности» [13, с. 345].

Трансформация подходов к понятию неопатримониализма.

С середины 60-х годов в язык политической науки вошел термин «неопатримониализм», наиболее комплексно развитый в работах Ш. Эйзенштадта. Неопатримониализм по Эйзенштадту является продуктом модернизации развивающихся обществ и представляет собой симбиоз отдельных элементов традиционализма и современного государства. Принципы функционирования неопатримониальных систем по Эйзенштадту заключаются в следующем:

1) Государство управляется как частное владение (патрониум) носителей государственной власти. При этом происходит приватизация общественных функций и институтов, которые становятся источником частных доходов для этих носителей;

2) Этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи отнюдь не исчезают, а встраиваются в логику функционирования государственного аппарата, встраиваются в «с виду современные» политические и экономические отношения.

3) Политический центр отделен от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, перекрывая доступ к ним всем остальным группам и слоям общества.

Оформившись не просто как метафора, а как научная категория, концепция неопатримониализма достаточно плодотворно используется для описания африканских политических режимов постколониального периода.

Новый виток интереса к этой концепции связан с распадом Советского Союза и неоправдавшимися на данный момент надеждами на успешный демократический транзит большинства из образовавшихся в его результате государств. Эвристический потенциал применения концепции неопатримониализма к изучению постсоветских политических режимов был продемонстрирован А. Фисуном. По мнению исследователя, конкретную историческую конфигурацию отношений гражданского общества и государства определяет последовательность, с которой осуществлялись демократизация и бюрократизация. В тех случаях, когда рациональная бюрократизация предшествовала процессам демократизации, возникала стабильная партийно-парламентская система с высоким уровнем подотчетности партий перед гражданами. В тех случаях, когда демократизация предшествовала бюрократизации, возникали политические институты скорее неформального типа, основанные на патронаже и клиентарном обмене. Именно ко второму типу государств относятся и африканские, и постсоветские режимы. Это дает основание считать, что исходные позиции для применения концепции неопатримониализма достаточно схожи. Однако подавляющее большинство исследований, осуществленных в рамках этой парадигмы, сконцентрированы на политических режимах Африки, а также Латинской Америки. По отношению к постсоветским государствам и к России в частности комплексного применения концепции неопатримониализма пока не осуществлено.

Критические оценки неопатримониализма связаны с отсутствием единственно принятой трактовки этого понятия. В статье «Neopatrimonialism reconsidered: critical review and elaboration of an elusive concept» Джиро Эрдман и Ульф Энгель представляют хронологический обзор наиболее значимых работ по неопатримониализму. Ими выделены по меньшей мере девять значимых работ, где неопатримониализм рассматривается сам по себе. Это работы Гюнтера Рота, Рене Лемарханда и Кейта Легга, Шмуэля Эйзентштадта, Робина Теобальда, Жана Франсуа Медара, Кристофера Клепхема и других. Понимание неопатримониализма, в соответствии с этим критическим обзором, разнится от работы к работе, и дабы не превратиться во всеобъемлющий концепт (catch-allconcept) перед современными исследователями неопатримониализма стоит несколько требующих осмысления ключевых вопросов: 1) каким образом разграничивается неопатримониализм с клиентелизмом и патронажной системой; 2) как можно измерить неопатримониализм; 3) как неопатримониализм связан с классической типологией политических режимов; 4) что значит приставка «-нео», т.е. отличается ли концептуально феномен неопатримониализма от классического патримониализма и если да, то чем.

И несмотря на отсутствие единственно принятого подхода к концепту, авторы критического обзора считают его весьма перспективным и потенциально плодотворным для объяснения логики развития политических отношений в обществах, столкнувшихся с проблемами традиции в строительстве современного национального государства. Однако критику немецких исследователей стоит учесть, поскольку само понятие «неопатримониализм» претерпело существенное число трактовок и трансформаций, и подчас они настолько противоречивы, что создается впечатление о том, что исследователями описываются совершенно разные явления. Для того, чтобы разобраться, где кроются ключевые различия в понимании концепции и в чем можно обнаружить концептуальное ядро, хронологически рассмотрим основные подходы к определению концепции.

Термин «патримониализм» зазвучал с новой силой в конце 60-х годов XXвека благодаря немецкому социологу **Гюнтеру Роту**. Впервые идея о том, что в мире проявляются новые, современные форы патримониального господства была озвучена в его выступлении на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году. В 1968 году Г. Ротом была опубликована статья в журнале «World Politics». И в своем выступлении, и в своей статье ученый критиковал сплошное и при этом неизбирательное использование термина «харизма» применительно к политическим исследованиям развивающихся стран. По его мнению, политическое развитие этих государств осмыслялось тогда в рамках дихотомии между харизмой и рационально-легальной бюрократией. Результатом такого неразборчивого отношения к веберовскому наследию стало неглубокое и недостаточное использование более широкой типологии видов господства по Веберу, и в особенности – его концепции патримониального господства.

По Г. Роту традиционные формы политической и социальной жизни могут сохраняться даже в современности, несмотря на то, что традиционная легитимность, основанная на харизме, сходит на нет [14]. И патримониализм может быть одной из таких форм. Далее Г. Рот разграничивает «традиционный патримониализм» (traditional patrimonialism) и «персональное правление» (personal rulership). В дальнейшем Г. Рот понятие неопатримониализма использует как явный синоним понятия персонального правления. Отличие второго от первого в том, что персональное правление не требует какой-либо веры в персональные качества правителя или ощущения миссии, а основывается главным образом на материальных стимулах и вознаграждениях. Отличие же персонального правления от рационально-легального типа бюрократии заключается в том, что законодательное регулирование продвижения по службе в соответствии с эффективностью и тренингами не играет доминирующей роли в государственном управлении.

Ключевым пунктом в анализе Г. Рота отмечают то, что он заметил, что неопатримониальный тип господства можно найти в любом типе общества и в любом политическом режиме. Так, например, патримониальными были как советский бюрократический аппарат, так и аппарат Дж. Кеннеди.

Вклад Гюнтера Рота, помимо, собственно, новаторского обращения к веберовской категории патримониализма состоит, таким образом, в следующем. Во-первых, он предпринял первую попытку разграничения патримониализма и неопатримониализма. В качестве водораздела им были приняты основания легитимности (личная харизма правителя в традиционном патримониализме и материальные интересы в неопатримониализме). Во-вторых, Рот обозначил недопустимость отождествления авторитаризма и неопатримониализма, предполагая, что последний можно найти в любой точке спектра от демократии до авторитаризма.

В качестве упущений подхода Гюнтера Рота отмечается то, что им все же не были проанализированы существенные различия между неопатримониализмом и авторитаризмом. Также несмотря на то, что в его работе звучат мысли, что в неопатримониализме сосуществуют элементы рациональной и патримониальной бюрократии, он не объяснил, как они взаимосвязаны.

Следующие исследователи – **Кейт Легг и Рене Лемаршан** – сконцентрировали свое внимание на клиентарно-патронажных отношениях. Они выделяют 2 типа клиентарно-патронажных сетей: феодальную и патримониальную. Второй вариант отличается от феодализма тем, что функционирует через административный аппарат, должностные лица которого лично назначаются правителем. «Патримониальная система отличается от феодальной еще и тем, что при феодализме связь между господином и вассалом является как выражением, так и причиной политических отношений. К. Легг и Р. Лемаршан делают вывод о том, что патримониальные отношения сравнительно менее персонализированы и поэтому менее надежны, чем те, что возникают вокруг взаимных феодальных обязательств» [15, с. 550]. Они разделяют две формы патримониализма: традиционный вариант, при котором клиентарно-патронажные отношения пронизывают всю политическую систему в целом, и модернизированный вариант, которому присуща большая степень социальной мобилизации, что приводит к разрывам в клиентарно-патронажных сетях между различными уровнями и ветвями власти.

На наш взгляд, акцентированное внимание к роли клиентарно-патронажных отношений в неопатримониальной системе – исключительно важный вклад исследований К. Легга и Р. Лемершана в развитие концепции неопатримониализма. Собственно, любой исследователь, который занимается описанием какого-либо политического режима через призму неопатримониализма или неопатримониализма самого по себе, уделяет внимание роли клиентарно-патронажного обмена, его механизмам и конкретным особенностям.

Однако, на наш взгляд, в их подходе к неопатримониализму есть важные и не получившие при этом собственного развития вопросы. Они касаются в основном разграничения традиционного и нового патримониализма. Во-первых, не очень ясно, какими отношениями создаются те самые разрывы в клиентарно-патронажных сетях в рамках неопатримониального типа господства. Во-вторых, остается непонятным, в какой степени происходит замещение новыми, модерновыми институтами. Является ли это взаимодействие

мирным сосуществованием или современные институты похожи, скорее, на ширму? Происходит ли со временем поглощение современными институтами традиционных и наоборот, или появляется некая гибридная форма институтов? И вообще, что следует считать институтами традиционными и современными? Не является ли нормой для любого общества сосуществование традиционного и современного? Нет также в их работах постановки вопроса о соотношении политического режима и неопатримониализма, можно ли его найти в любой точке от демократии до авторитаризма.

Наиболее комплексное развитие концепция неопатримониализма получила в работах **Шмуэля Эйзенштадта**. В своей хрестоматийной работе «Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism» израильский исследователь оправдывает применение термина «патримониальный» к анализу современных политических систем. Он показывает, что в результате попыток модернизации современные политические системы приобретают специфические черты, которые отличны от моделей национального государства и «революционных моделей современности». Традиционный патримониализм, по его мнению, был присущ различным древним и средневековым обществам [16, с. 5]. Продуктом модернизации современных постколониальных обществ является возникновение принципиально новых неопатримониальных структур современного типа, для которых характерно соединение некоторых элементов традиционализма и современного государства [16, с. 7]. Проблема возникновения неопатримониализма Эйзенштадтом объясняется тем, что рождение политических институтов современного государства во многих развивающихся государствах Африки, Латинской Америки и Азии происходит в рамках специфического синтеза традиционного и современного. Режим, полученный в результате такого синтеза, в действительности не является некой переходной формой к современному национальному государству, но обладает значительной устойчивостью и собственной логикой развития, приводящей к изменению самого смысла функционирования формальных модерных политических институтов – политический партий, парламента, бюрократического аппарата и судебно-юридических институтов. Таким образом, по мнению Эйзенштадта, своим возникновением неопатримониальные режимы обязаны провалами политики модернизации и строительства институтов современного государства.

В чем заключается взгляд Эйзенштадта на понятие неопатримониализма? В отличие от Г. Рота, Эйзенштадт называет патримониализм не только и не столько персональным правлением и различными формами личной власти, «сколько с доминирующим типом взаимоотношений между властным центром и периферией системы, т. е. с определенной структурой взаимоотношений в рамках всей социальной системы и способами ее воспроизводства» [1, с. 164]. По мнению Эйзенштадта, ключевой характеристикой неопатримониальных обществ является особенный характер отношений политического центра и периферии. Политический центр имеет монополию на формирование политических символов и определение социального и морального порядка. «В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними» [17, с. 327].

Эйзенштадт указал 3 специфические характеристики, по которым неопатримониализм отличается от чисто современных моделей политического устройства. Помимо «отличительности» (distinctiveness) центра и его отношений с периферией, которые мы отметили выше, Эйзенштадтом отмечаются во-вторых, определение границ этих отношений, и в-третьих, шаблоны политической организации, борьбы и изменений внутри них. Затем он описывает эти характеристики более подробно и часто в очень абстрактных терминах. Как отмечают Джиро Эрдман и Ульф Энгель, у подхода Эйзенштадта есть два существенных недостатка [18, с. 100]. Во-первых, им не было объяснено, как соотносятся такие понятия как авторитаризм, кооптация, клиентелизм, непотизм с неопатримониализмом: являются его составляющими или это совершенно разные понятия, не подчиняющиеся друг другу как род и вид. Во-вторых, критики говорят, что в объяснении того, что значит приставка «нео», Эйзенштадт упустил важнейший момент – как связаны рационально-легальное и патримониальное бюрократическое доминирование. Для него различия современного неопатримониализма и традиционного патримониализма заключаются в типах проблем и требований, с которыми эти режимы должны справляться, и в различных шаблонах политической организации – современный неопатримониализм должен справляться с более сложными задачами социальной организации и обладать, пусть и с искаженным смыслом, но более сложной бюрократической и партийной системой.

В отличие от обозначенных выше работ, в которых предпринят универсалистский подход к неопатримониализму, **Виктор Ле Вайн** стремился приспособить концепт к анализу конкретных случаев, а точнее к африканским исследованиям. Его вклад в дебаты о неопатримониализме заключался в привнесении нового концепта «африканский патримониализм», который является частным вариантом патримониализма, и при этом отличающимся от базового понятия патримониализма. В подходе Ле Вайна чувствуется своеобразный упрек Веберу (или, скорее, его

последователям) в том, что его концепция патримониализма ближе к патриархату. Однако для представляющих для Ле Вайна интерес африканских обществ патриархат не имеет существенного значения. По словам Д. Эрдмана и У. Энгеля [18, 100] такая интерпретация Вебера (приравнивание патриархата и патримониализма) не слишком убедительна. Более того, левайновский африканский неопатримониализм вряд ли является чем-то большим, чем вариация концепта Г. Рота с его акцентом на персонализм, т.е. фиксации суверена на вершине политической пирамиды.

Робину Теобальду принадлежит полноценный критический обзор литературы по неопатримониализму на начало 80-х годов. Он указал на недостатки дебатов о неопатримониализме и заявил, что концепция теряет свой исследовательский потенциал. Это связано с тем, что практически все исследователи связывают патримониализм с клиентарно-патронажным обменом. Однако в современных обществах, указывает Теобальд, сложно разграничить клиентелизм и взаимообмен, пронизывающий социальную жизнь как таковую. Суть претензии Теобальда заключается в следующем вопросе: «в чем состоит отличие природы отношений между, с одной стороны, корпусом функционеров, связывающих себя и свою карьеру с Робертом Макнамарой, и, с другой стороны, мастером участка, который «закрывает глаза» на правила безопасности для того, чтобы помочь начальнику цеха достигнуть запланированного уровня производства? Если это различие заключается в той степени политической власти, которой обладает Роберт Макнамара, в сравнении с неизвестным мастером участка, то разветвления в этом пункте – особенно уровня власти, при котором эти отношения могут перестать быть патримониальными, – нуждаются в тщательном изучении» [19, с. 171].

Чтобы справиться с этой проблемой необходимо разграничить патримониальную и рационально-легальную бюрократию. Теобальд это делает, обращаясь к Веберу. «Неопатримониальная администрация отличается от рационально-легальных бюрократий тем, что в ней по преимуществу отсутствуют следующие черты: четко определенные сферы компетенции, которые являются объектом имперсональных правил; рациональное упорядочивание отношений вышестоящих и нижестоящих; формальные системы назначения и продвижения по служебной лестнице на основе свободного контракта; специальная подготовка в качестве необходимого условия; постоянное содержание, выплачиваемое в денежной форме. И хотя вышеназванные характеристики хорошо известны, связь между патримониальными бюрократиями и возникновением современной бюрократии проводится не всегда» [19, с. 172]. При этом Теобальд при разграничении рациональной и патримониальной бюрократии делает акцент на экономическом укладе общества и степени развитости монетарных отношений. Он отмечает, что рациональная бюрократия может содержаться только в условиях стабильной налоговой системы, развитых товарно-денежных отношений. В обществах, где доминируют бартер, должностные лица получают не фиксированное жалование, а возможность «кормиться» с должности, получают своеобразную «долю» с земли, реализующуюся в возможности собирания дани с крестьянского населения.

Ключевой проблемой исследований патримониализма Теобальда, на наш взгляд, является нерешенность вопроса о том, в чем отличие между старыми имперскими бюрократиями и неопатримониализмом. Исходя из его позиции, можно сделать вывод, что неопатримониализма не существует самого по себе – есть просто государства с откровенно отстающим от современности экономическим укладом. И только в таких государствах возможна патримониальная бюрократия. Поэтому исследуя тип бюрократии и особенности его развития в каждом конкретном случае, необходимо опираться на структуру ВНП, характер и размеры торговли, потенциал налоговой системы. Однако такой подход не только закрывает глаза на отдельные кейсы, когда неопатримониальные черты проявляются в государствах с рыночной структурой экономики и налаженной налоговой системой, но и не дает возможность ответить на вопрос, связан ли как-то современный патримониализм с рациональной бюрократией.

Следующим исследователем, обратившимся к проблеме неопатримониализма, был **Жан Франсуа Медар**.

В то время как К. Легг и Р. Лемаршан объединяли клиентелизм и патримониализм, французский исследователь представлял клиентелизм и неопатримониализм как две соревнующиеся модели для объяснения политической отсталости. Для него концепт клиентелизма слишком узок, чтобы охватывать все различные практики отсталого государства. Непотизм, коррупцию, трайбализм (или землячество, этницизм) можно воспринимать как конститутивные элементы отсталого государства [21].

Неопатримониализм же является самостоятельным политическим типом, имеющий черты и современных и традиционных политических форм, но при этом отличающимся от них. Медар вновь обратил внимание на то, как формируется неопатримониализм. Ключевым фактором здесь является то, что «недоразвитое государство» (undevelopedstate) превращается в постоянное условие, а не некую транзитную стадию на пути к устойчивому национальному демократическому государству. Отсюда «главной задачей правителей становится не развитие государства, а поддержание порядка и собственное политическое выживание,

которое обеспечивается с помощью инструментов патримониальной политики» [1, с. 168].

На наш взгляд, справедливы замечания Эрдмана и Энгеля, предъявляемые позиции Медара относительно природы современного патримониализма. С одной стороны, им было отмечено, что в неопатримониальном типе господства сосуществуют элементы современности и традиционности. С другой стороны, в концепции Медара приватизация публичных функций как ядро неопатримониализма своим следствием имеет то, что политическая власть является персональной властью [18, с. 101–102]. Но, по мнению Эрдмана и Энгеля, если мы говорим о персональной власти и полном присвоении публичных функций в частных целях, мы вновь возвращаемся к патримониализму, хоть и в «современной среде». Тогда что значит приставка «нео»?

Кристофер Клэпхем дает короткое определение, которое, как нам представляется, наиболее близко подходит к разрешению многих концептуальных противоречий, сложившихся относительно интерпретации термина «неопатримониализм». По Клэпхему «*неопатримониализм – это форма организации, в которой отношения широкого патримониального типа пропитывают политическую и административную систему, которая формально конструируется на рационально-легальных основаниях. Официальные лица занимают позиции в бюрократическом аппарате с полномочиями, которые официально определены, но осуществляются эти полномочия как форма частной собственности*» [18, с. 102].

Такой подход к концепции, с одной стороны, демонстрирует концептуальное единство с «материнским» понятием веберовского патримониализма, с другой стороны, выделяет по отношению к нему особенность *нео*патримониализма, которая заключается в сочетании традиционных и модерных черт политической системы. В этом сочетании современные институты являются ширмой, в каком-то смысле симулякром, а логика развития административного аппарата и политической системы объясняется унаследованными традиционными патримониальными чертами.

Разделяют такой подход к определению и разрабатывают его концептуально **Михаэль Браттон и Николас Ван дер Валле,** которые четко разграничили неопатримониализм и патримониализм. Для них неопатримониализм – это гибридный режим, в котором привычки и образцы поведения, характерные для патримониализма, сосуществуют с легально-рациональными институтами и проникают в них. Критика их работ касается, в основном, операционализации этого понятия. Исследователи раскрывают его через понятие «президенцализма», который объясняют весьма специфическим для западной политической науки способом – как систему, в которой «один человек сопротивляется делегированию любых полномочий, связанных с принятием решений, кроме самых малозначительных» [3, с. 63]. Помимо противоречивого определения термина президенцализм (presidentialism) (который обычно определяется в западной литературе как президентская форма республики), Браттон и Ван дер Валле раскрывают его как систему власти, в которой президент почти не ограничен правом и законом, что смешивает концепт неопатримониализма одновременно с авторитаризмом и патримониализмом. Таким образом, как отмечают Эрдман и Энгель, сколь удачно в подходе Браттона и Ван дер Валле определение неопатримониализма, столь неудачна операционализация.

Теперь обратимся практически к единственному исследователю с постсоветского пространства, занимающемуся осмыслением неопатримониализма per se и применительно к политическим режимам государств бывшего СССР – **Александру Анатольевичу Фисуну**, профессору Харьковского национального университета. На его взгляд, *«основными характеристиками неопатримониальной модели в постсоветских условиях являются:*

- формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности;
- частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства, которые применяются главным образом для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов;
- ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы» [1, с. 168].

Таковы основные подходы к определению неопатримониализма. С учетом высказанных затруднений и противоречий, сделаем попытку дать собственное определение неопатримониализма. На наш взгляд, *неопатримониализм – это такой тип доминирования, в рамках которого политико-административная система строится формально на рационально-легальных основаниях (современных институтах и правилах продвижения по службе, распределения благ и т.д.), однако логика ее функционирования диктуется неформальными институтами (непотизмом, клиентарно-патронажными сетями, трайбализмом и т.д.), в результате чего общественные полномочия апроприируются и рассматриваются политическими агентами как частная собственность*.

Таким образом, хронологический анализ литературы о неопатримониализме, позволяет нам с оптимизмом сказать, что в общем и целом исследователи справились с двумя важными задачами, которые делали его «всеобъемлющим» и «расплывчатым». Во-первых, было необходимо четко разграничить неопатримониализм и веберовский патримониализм. Во-вторых, понять, как связана рационально-легальная бюрократия с патримониальным типом господства. В общем, эти две задачи синонимичны, поскольку наиболее адекватный ответ на первый вопрос заключается в том, что в неопатримониализме традиционные неформальные институты и практики маскируются под формально рационально-легальным бюрократическим аппаратом. То есть формально в политической системе существуют институты современности (рациональная бюрократия, политические партии, парламент), однако логика и суть их деятельности подчинена логике неформальных отношений. Поэтому приставка «нео» означает не просто веберовский феномен патримониализма, проявившийся в современности, но достаточно отличное от этого феномена явление.

Именно с этой точки зрения нами было сформулировано собственное определение неопатримониализма. С одной стороны, в нем присутствует связь с веберовским пониманием патримониализма как типа доминирования, в котором общественные полномочия апроприируются и непосредственно связаны с экономическими возможностями, которые эти полномочия дают политическим агентам. С другой стороны, оно указывает на его важнейшую черту, отличающую концепт от веберовского патримониализма – разграничение формальной логики властных отношений (рационально-легальной) и реальных принципов их осуществления (посредством неформальных институтов).

Однако разработка концепта не может остановиться на дефинициях. И дабы исследователи, говоря о неопатримониализме, подразумевали одно и то же, нужна более глубокая операционализация, соотношение со смежными понятиями, установление отношений рода и вида с другими категориями политической науки.

Если более конкретно очертить круг вопросов, на которые необходимо ответить в этом контексте, то, пожалуй, они сводятся к следующим проблемам: 1) каким образом разграничивается неопатримониализм с клиентелизмом и патронажной системой; 2) как можно измерить неопатримониализм; 3) как неопатримониализм связан с классической типологией политических режимов.

По всей видимости, вокруг этих вопросов и будут формироваться интеллектуальные поиски тех, кому интересна концепция неопатримониализма. И ответы на эти вопросы позволят гораздо более избирательно анализировать политическое развитие конкретных государств.

Литература:

1. Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. №4. С. 158–187.
2. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978.
3. Bratton M., van de Walle N. Democratic experiments in Africa. Regime Transitions in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
4. Chabal P., Daloz J-P. Africa Works. Disorder as political instrument. Oxford: James Currey, 1999.
5. Joseph R. A. Democracy and Prebendal Politics in Nigeria: The Rise and Fall of the Second Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
6. Le Vine V. T. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective // Journal of Modern African Studies. 1980. Vol. 18. №4. Pp. 657–673.
7. Roett R. Brazil: Politics in a Patrimonial Society. New York: Praeger, 1984.
8. Zabludovsky G. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America // International Sociology. 1989. Vol. 4. №1. Pp. 51–66.
9. Remmer K. L. Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973–1987 // Comparative Politics. 1989. Vol. 21. №2. Pp. 149–170.
10. Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia // World Politics. 1979. Vol. 31. №4. Pp. 571–587.
11. Hutchcroft P. D. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. Vol. 43.№3. Pp. 414–450.
12. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. №6. С. 8–28.
13. Bendix R. Max Weber. An Intellectual Portrait. London: Methuen, 1966. 465 p.
14. Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 20. №2. Pp. 194–206.
15. Theobald R. Patrimonialism // World Politics. 1982. Vol. 34. №4. Pp. 548–559.
16. Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973. 95 p.
17. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999. 416 с.
18. Erdman G., Engel U. Neopatrimonialism reconsidered: critical review and elaboration of an elusive concept // Commonwealth & Comparative Politics. 2007. Vol. 45. №1. Pp. 95–119.

19. Теобальд Р. Патримониализм / пер. с англ. А. Фисуна // Прогнозис. 2007. №2. С. 166–176.
20. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №1. P. 5–21.
21. Me´dard J. F. The underdeveloped state in Africa: political clientelism or neo-patrimonialismin // Private Patronage and Public Power / Ed. by C. Clapham. London: Frances Pinter, 1982. Pp. 162–189.
22. Clapham C. Clientelism and the state // Private Patronage and Public Power / Ed. by C. Clapham. London: Frances Pinter, 1982. Pp. 1–35.

References:

1. Fisun A. A. Rethinking the post-Soviet policy: neopatrimonial interpretation // Politicheskaya kontseptologiya. 2010. №4. P. 158–187
2. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978.
3. Bratton M., van de Walle N. Democratic experiments in Africa. Regime Transitions in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
4. Chabal P., Daloz J-P. Africa Works. Disorder as political instrument. Oxford: James Currey, 1999.
5. Joseph R. A. Democracy and Prebendal Politics in Nigeria: The Rise and Fall of the Second Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
6. Le Vine V. T. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective // Journal of Modern African Studies. 1980. Vol. 18. №4. Pp. 657–673.
7. Roett R. Brazil: Politics in a Patrimonial Society. New York: Praeger, 1984.
8. Zabludovsky G. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America // International Sociology. 1989. Vol. 4. №1. Pp. 51–66.
9. Remmer K. L. Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973–1987 // Comparative Politics. 1989. Vol. 21. №2. Pp. 149–170.
10. Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia // World Politics. 1979. Vol. 31. №4. Pp. 571–587.
11. Hutchcroft P. D. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. Vol. 43. №3. Pp. 414–450.
12. Fisun A. Post-soviet neopatrimonial modes: genesis, characteristics, typology // Otechestvenniye zapiski. 2007. №6. Pp. 8–28.
13. Bendix R. Max Weber. An Intellectual Portrait. London: Methuen, 1966. 465 p.
14. Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 20. №2. Pp. 194–206.
15. Theobald R. Patrimonialism // World Politics. 1982. Vol. 34. №4. Pp. 548–559.
16. Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973. 95 p.
17. Eisenstadt Sh. Revolution and transformation of societies. M.: Aspekt-press, 1999. 416 p.
18. Erdman G., Engel U. Neopatrimonialism reconsidered: critical review and elaboration of an elusive concept // Commonwealth & Comparative Politics. 2007. Vol. 45. №1. Pp. 95–119.
19. Theobald R. Patrimonialism / Transl. from Engl. by A. Fisun // Prognozis. 2007. №2. P. 166–176.
20. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №1. Pp. 5–21.
21. Me´dard J. F. The underdeveloped state in Africa: political clientelism or neo-patrimonialismin // Private Patronage and Public Power / Ed. by C. Clapham. London: Frances Pinter, 1982. Pp. 162–189.
22. Clapham C. Clientelism and the state // Private Patronage and Public Power / Ed. by C. Clapham. London: Frances Pinter, 1982. Pp. 1–35.